

КАНТИАНСКОЕ СМИРЕНИЕ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Кант устанавливает различие между вещами-в-себе и феноменами. Вещи, какими мы их знаем, состоят 'целиком из отношений', так что мы не имеем никакого представления об их 'внутренней' сущности. Кант полагает, что у нас нет знания о внутренних свойствах вещей. Существуют неустраняемые ограничения на то, что мы можем знать, и непреодолимые пределы того, с чем мы можем познакомиться в своем опыте. По этой причине нам следует проявлять своего рода *Эпистемическое смирение*. Оно влечет за собой *Категориальное смирение*, согласно которому мы столь же непоправимо невежественны в отношении категориальных свойств сущностей. Невежество в отношении категориальной структуры мира создает две проблемы для защитников *Кантианского смирения*. Во-первых, если мы знаем о том, что тезис *Кантианского смирения* истинен, то он должен быть ложным. Во-вторых, если тезис о *Кантианском смирении* является истинным, то никакой аргумент в его защиту не может быть успешным.

Ключевые слова: Кант, эпистемическое смирение, категориальные свойства, внутренние свойства.

1. Кант и категории. Тезисы эпистемического смирения утверждают, что эпистемические агенты, вроде нас, непоправимо невежественны в отношении некоторых свойств мира. По мнению Лэнгтона [1], один из таких тезисов поддерживает Кант:

Кантианское смирение: подобные нам эпистемические агенты непоправимо невежественны в отношении внутренних свойств субстанций¹.

В соответствии с предложенной Лэнгтоном реконструкцией, аргумент в защиту *Кантианского смирения* опирается на следующие три принципа:

Различимость: вещи-в-себе — это субстанции, обладающие внутренними свойствами; феномены — это реляционные свойства субстанций² [1, р. 20].

Несводимость: отношения и реляционные свойства субстанций не сводимы к их внутренним свойствам³ [1, р. 109].

Рецептивность: человеческое знание зависит от восприятия, а оно рецептивно, — мы можем иметь знание об объекте только в той мере, в какой он воздействует на нас [1, р. 23].

Согласно принципу *Несводимости*, факты о внутренних свойствах объектов не фиксируют факты об их реляционных или каузальных свойствах. Как следствие, существуют возможные миры, неразличимые по внутренним свойствам объектов, но различимые по их каузальным свойствам. Согласно принципу *Рецептивности*, наше знание об объектах зависит исключительно от каузальных свойств объектов, которые определяют их воздействие на

нас. Опираясь на данные принципы, можно предложить хорошо знакомую форму скептического аргумента в защиту *Кантианского смирения*⁴. Миры W и W^* идентичны по внутренним свойствам объектов, но различны по их реляционным свойствам и каузальному воздействию на агентов, вроде нас. Но поскольку подобные нам агенты знают об объектах только через их каузальное воздействие, они не могут знать, является ли W или W^* актуальным миром. Из всего этого следует вывод в защиту *Кантианского смирения*: мы непоправимо невежественны в отношении внутренней природы объектов.

Я не берусь судить о том, одобрял ли Кант *Кантианское смирение*, ведь здесь меня интересует лишь вопрос, нужно ли нам самим его одобрять. Ниже я приведу два аргумента против тезиса о *Кантианском смирении*. Оба аргумента касаются вопросов, тесно связанных с онтологическими категориями и такими категориальными свойствами, как *быть объектом* и *быть свойством*. По этой причине для нас будет полезным более внимательно присмотреться к понятию онтологической категории.

Онтологические категории разрезают реальность по ее самым глубоким сочленениям. В рамках систематической метафизики существует целый ряд предполагаемых онтологических категорий: *объект*, *свойство*, *регион*, *событие*, *абстракция* и т.д. И хотя в нашем распоряжении нет непредвзятого описания того, из чего составлены онтологические категории, некоторые выводы об их природе

представляются весьма правдоподобными. Например, кажется, что само понятие онтологической категории подразумевает, что они должны иметь всеохватывающий характер, чтобы каждая сущность (в данном случае я использую термин 'сущность' как категориально-нейтральный) принадлежала по крайней мере к какой-то одной онтологической категории. Помимо прочего, из этого следует вывод о природе *категориальных свойств*, который будет иметь для нас первостепенное значение в дальнейшем:

Внутренняя присущность: категориальные свойства сущностей являются внутренними.

Принимая во внимание разногласия по поводу того, что делает некоторое свойство внутренним, любая защита принципа *Внутренней присущности* может быть спорной. Поэтому лучший вывод в пользу этого принципа — показать, что он поддерживается тривиальными представлениями, на которых основаны наши лучшие теории внутренних свойств. Это можно сделать, используя две диагностики для определения симптомов внутренней присущности свойства⁵. Во-первых, мы должны определить, различается ли рассматриваемое нами свойство между дубликатами? Во-вторых, необходимо оценить, является ли рассматриваемое свойство чем-то таким, что может быть инстанцировано в мире, где существует только его носитель? В обоих тестах категориальное свойство *быть объектом*, по-видимому, квалифицируется как внутреннее. Тест в рамках первой диагностики показывает, что объект и его дубликат не будут различаться в отношении того, инстанцируют ли они свойство *быть объектом*. Тест в рамках второй также выполняется: объект может инстанцировать свойство *быть объектом* в мире, где существует один только этот объект. Результаты данных тестов на внутреннюю присущность позволяют нам сделать вполне правдоподобное предположение о том, что свойство *быть объектом* является внутренним.

И хотя у нас есть веские основания полагать, что свойство *быть объектом* следует квалифицировать как внутреннее свойство, одного этого нам явно недостаточно, чтобы установить принцип *Внутренней присущности*. Обратите внимание, он требует, чтобы все категориальные свойства, такие как *быть свойством* и *быть событием*, также были внутренними. Правдоподобно ли считать эти свойства внутренними? Я считаю, что да, но с определенными оговорками. С нашим пониманием объектной присущности в целом все более или менее в порядке, чего, однако, нельзя сказать о понимании присущности свойства и событийной присущности. У нас нет никакой полезной диагностики оценки внутренней присущности этих категориальных свойств. Хотя есть (по крайней мере) один аргумент в защиту принципа *Внутренней присущности*: категориальные свойства имеют исключительно фундаментальный и унифицированный характер. Так что, если есть основания полагать, что одно категориальное свойство, например, *быть объектом*, является внутренним, есть также некоторые основания считать, что все подобные категориальные свойства внутренне присущи сущностям независимо от того, к какой категории они относятся. И поскольку свойство *быть объектом* является внутренним, из этого можно сделать вывод о том, что все категориальные свойства являются внутренними. Теперь, имея в своих руках подобную защиту для принципа *Внутренней присущности*, мы мо-

жем рассмотреть ее последствия для *Кантианского смирения*.

2. Категориальное смирение. Мир имеет категориальную структуру в виде некоторой дистрибуции категориальных свойств. Согласно принципу *Различности*, эта структура включает в себя объекты и свойства, поэтому некоторые сущности должны инстанцировать свойства *быть объектом* и *быть свойством*. Заметим, однако, если тезис о *Кантианском смирении* и принцип *Внутренней присущности* верны, мы должны быть непоправимо невежественны в отношении категориальной структуры мира. Поскольку *Кантианское смирение* влечет за собой наше незнание внутренних свойств, а принцип *Внутренней присущности* предполагает, что категориальные свойства являются внутренними, *Кантианское смирение* означает для нас невозможность знать, что некоторый объект на самом деле является объектом. Таким образом, из *Кантианского смирения* и *Внутренней присущности* можно вывести следующий тезис:

Категориальное смирение: подобные нам эпистемические агенты непоправимо невежественны в отношении категориальных свойств сущностей.

Мы видим, что *Категориальное смирение* — это не тезис о нашем невежественном неведении относительно объектов. Это тезис о нашем незнании относительно *сущностей*. По этой причине тезис о *Категориальном смирении* является абсолютно общим по своей форме, он применим ко всем онтологическим категориям. Он отрицает, что о любой сущности мы можем знать, к какой именно онтологической категории она принадлежит. Поэтому, если тезис о *Категориальном смирении* верен, мы не знаем, является ли наш мир миром объектов и свойств, или Трактарианским миром фактов⁶, или Дэвидсоновским миром событий, или даже берклианским миром идей в сознании Бога. Очевидно, что *Категориальное смирение* имеет неприятные последствия для систематической метафизики. Однако ниже я покажу, что оно также имеет исключительно неприятные следствия для защитников *Кантовского смирения*.

Напомним, что *Кантианское смирение* — это тезис о наших эпистемических ограничениях относительно знания свойств объектов. Если тезис о *Кантианском смирении* и принцип *Внутренней присущности* верны, мы должны принять тезис о *Категориальном смирении*. Но, в свою очередь, если тезис о *Категориальном смирении* верен, мы не можем знать, что наш мир — это мир, в котором сущности подпадают под онтологические категории объектов и свойств. Невежество относительно категориальной структуры мира создает две проблемы для защитников *Кантианского смирения*. Во-первых, если агент знает о том, что тезис *Кантианского смирения* истинен, то тезис о *Кантианском смирении* должен быть ложным. Во-вторых, если тезис о *Кантианском смирении* является истинным, то аргумент в его защиту не может быть успешным.

Позвольте мне дать пояснения к первой проблеме, согласно которой знание истинности тезиса *Кантианского смирения* влечет за собой его ложность. Предположим, агент знает, что тезис о *Кантианском смирении* истинен. Если он это знает, то он также знает, что в нашем мире существуют объекты, в отношении внутренних свойств которых он непоправимо невежественен. Итак, агент знает, что существуют некие реальные сущности, которые инстанцируют свойство *быть объектом*. Однако

из истинности тезиса о *Кантианском смирении* выводится также истинность тезиса о *Категориальном смирении*. И если тезис о *Категориальном смирении* истинен, тогда рассматриваемый нами агент не может знать, что существуют некие реальные сущности, инстанцирующие свойство *быть объектом*, поскольку данное свойство является внутренним и его инстанцирование непознаваемо. В результате агент, имеющий знание о том, что тезис *Кантианского смирения* истинен, одновременно и знает, и не знает, что наш мир — это мир, в котором есть объекты. Поэтому, чтобы избежать противоречия, защитник *Кантианского смирения* должен отрицать, что любой эпистемический агент, вроде нас, может знать, что тезис о *Кантианском смирении* истинен.

Теперь можно дать пояснения ко второй проблеме. Если тезис о *Кантианском смирении* истинен, то из этого также следует истинность тезиса о *Категориальном смирении*, в соответствии с которым мы не можем ничего знать о категориальной структуре мира. Напомним, однако, что аргумент в защиту *Кантианского смирения* апеллирует к принципу *Различности*, чтобы зафиксировать границы области непоправимого невежества агентов, вроде нас, — области, конституирующей *Кантианское смирение*. Примечательно то, что, коль скоро принцип *Различности* утверждает нечто о категориальной структуре мира, знание о самом этом принципе не может быть получено агентом, если тезис о *Кантианском смирении* истинен. А поскольку из тезиса о *Кантианском смирении* следует, что важнейшая посылка аргумента в его защиту принципиально непознаваема, то либо *Кантианское смирение* должно быть отвергнуто, либо следует признать, что аргумент в защиту *Кантианского смирения* несостоятелен, так как одна из его посылок непознаваема.

Выявленные проблемы не доказывают ложность тезиса о *Кантианском смирении*. Они лишь свидетельствуют о том, что даже если данный тезис истинен, то либо он непознаваем, либо аргументы в его защиту несостоятельны. И хотя сам я считаю это достаточным основанием для отказа от *Кантианского смирения*, в заключение я рассмотрю четыре ответа, которые могли бы предложить его защитники.

Первый ответ может опротестовать попытку отождествления субстанций с объектами и вместо этого заявить, что термин 'субстанция' означает только 'носитель внутренних свойств', и он не выражает подлинное категориальное свойство, такое как *быть объектом*. На самом деле, я подозреваю, что именно к этому подходу, по мнению Энгтона, склоняется Кант. Однако такой ответ не снимает опасений с нашей стороны. Если субстанции выделяются исключительно как носители внутренних свойств, тогда из принципа *Внутренней присутности* следует крайне неудобный вывод о том, что все сущности являются субстанциями. Это, в свою очередь, означает, что мы не имеем знания о внутренних свойствах таких сущностей, как свойства (например, о том, что значит *быть своим*). По этой причине указанные проблемы все равно возникают, поскольку аргументы в защиту *Кантианского смирения* апеллируют к нашему знанию о свойствах.

Второй ответ, доступный защитникам *Кантианского смирения*, состоит в том, чтобы заявить, что наше знание категориальных свойств составляет принципиальное исключение. Есть несколько не *ad hoc* способов примирения *Кантианского сми-*

рения и знания категориальных свойств, но наиболее правдоподобный связан с различием между категориальными и внутренними возможностями. Так же, как и представленный мной выше аргумент в защиту *Кантианского смирения*, он основывается на неразличимой природе двух миров, которые различаются в отношении внутренних свойств объектов. Можно принять весьма правдоподобный тезис о том, что миры действительно могут различаться по внутренним свойствам объектов, но считать, что миры не могут различаться по категориальной структуре. То есть можно считать, что мир с необходимостью имеет свою категориальную структуру, возможно, состоящую из объектов и свойств. Это позволяет защитникам тезиса о *Кантианском смирении* утверждать, что категориальные свойства составляют принципиальное исключение из области действия *Кантианского смирения*. И поскольку не существует миров, различающихся только категориально, то не существует и неразличимых миров, допускающих аргументы в пользу непоправимого категориального невежества.

Для правильной оценки этого ответа, следует понимать, что возможности, релевантные установлению *Эпистемического смирения* или скептицизма, не обязательно должны быть метафизическими. Для установления тезисов *Эпистемического смирения* требуются только эпистемические возможности. И хотя утверждение о том, что категориальная структура мира имеет место в силу *метафизической* необходимости, может быть весьма правдоподобным, было бы неправдоподобным полагать, что она сохраняется во всех *эпистемически* возможных мирах. Рассмотрим, например, бесчисленное множество описаний категориальной структуры мира, предложенных в метафизических теориях прошлого и настоящего. Согласно этим теориям, мир построен из фактов или событий, а не из объектов и свойств. А поскольку эти теории представляют собой подлинные эпистемические возможности, существует достаточное число эпистемически возможных миров, которые допускают строительство аргументов в защиту *Категориального смирения*. Поэтому данный ответ не позволяет утверждать, что категориальные свойства составляют принципиальное исключение из области действия тезиса о *Кантианском смирении*, запрещающем знание внутренних свойств.

Третий ответ гласит, что аргументы в защиту *Кантианского смирения* вовсе не предполагают знания категориальной структуры, поскольку могут быть переформулированы в категориально-нейтральной терминологии. Выше я использовал термин 'сущность' как категориально-нейтральный. Аналогичным образом можно было бы ввести еще один якобы категориально-нейтральный термин 'признак', который определяет, какими могут быть сущности, не требуя при этом, чтобы признаки были свойствами. Например, это могли бы быть адвербиальные модификаторы событий. Наконец, можно ввести понятие 'внутренний признак' [intimate feature], которое также следует понимать по аналогии: внутренние признаки сущности являются для нее тем же, чем являются внутренние свойства для объектов.

Приняв такую якобы нейтральную по отношению к категориям терминологию, можно перестроить аргумент в защиту *Кантианского смирения* в терминах интимных признаков и считать, что апелляция к категориальному знанию для форму-

лирования принципа *Различимости* является необязательной.

Вопрос о том, что именно (если оно вообще есть) позволяет термину быть категориально-нейтральным, является сложным. Например, было бы довольно обескураживающим для нас узнать, что мы не можем использовать понятие 'сущность' предложенным мной способом. Тем не менее мы можем достаточно прямолинейно трактовать 'сущность' как включающую в себя все, что подпадает под любой порядок наших неограниченных кванторов. (Здесь я предполагаю, что неограниченная квантификация является допустимой.) В отличие от этого, мы не можем предложить столь же естественного понимания 'признака' или 'внутреннего признака'. И хотя эти термины претендуют на категориальную нейтральность, их значение может либо оставаться неясным, либо они могут выполнять роли замаскированных понятий свойства и внутреннего свойства. По этой причине сама попытка переформулировать соответствующие тезисы в категориально-нейтральных терминах не кажется мне многообещающей.

Четвертый и последний ответ связан с нашим пониманием того, что есть знание *Кантианского смирения*. В соответствии с этим ответом, для знания *Кантианского смирения* достаточно просто знать о том, что *в каких бы мирах ни существовали объекты и свойства, подобные нам агенты не знают, что эти сущности являются объектами и свойствами*. Если бы это было все, что нам требуется для знания *Кантианского смирения*, оно не предполагало бы знания категориальной структуры актуального мира, поскольку выражало бы лишь наше невежество, которое имело бы место в контрфактических сценариях. Подобные взгляды кажутся вполне совместимыми с тезисом о *Категориальном смирении*, поскольку они не требуют от нас знания *об этом мире*, что он состоит из объектов и свойств.

Последний ответ подразумевает, что, хотя агент и может знать *Кантианское смирение*, само это знание потенциально не имеет особого значения. Прежде всего, следует отметить, что, даже если этот ответ может устранить опасения по поводу того, что знание *Кантианского смирения* влечет за собой ложность тезиса о *Кантианском смирении*, он никак не снимает опасений относительно несостоятельности самого аргумента в защиту *Кантианского смирения*. Этот аргумент опирается на принцип *Различимости*, знание которого, безусловно, является знанием категориальной структуры актуального мира. Еще один момент, на который следует обратить внимание, состоит в том, что этот ответ, по всей видимости, искажает очевидную значимость *Кантианского смирения*, ведь он выдвигается как тезис о нас и нашем собственном эпистемическом затруднении. Тезис о *Кантианском смирении* утверждает, что мы невежественны в отношении свойств тех объектов, реляционные свойства которых оказывают на нас непосредственное влияние. Думая об этом тезисе лишь как о предположении относительно эпистемологии других миров, где существуют определенные категориальные структуры, мы лишаем его той значимости, которую ему приписывают Кант и остальные исследователи. Поэтому попытка отрицать, что знание *Кантианского смирения* есть знание актуального мира, кажется мне несостоятельной.

3. Заключение. Тезис о *Кантианском смирении* утверждает, что мы непоправимо невежественны

в отношении внутренних свойств объектов. Я считаю, что, поскольку категориальные свойства являются внутренними, *Кантианское смирение* обязательно влечет за собой тезис о *Категориальном смирении*, в соответствии с которым мы столь же непоправимо невежественны и в отношении категориальных свойств сущностей.

В свете данного вывода у защитников *Кантианского смирения* есть две проблемы. Во-первых, знание *Кантианского смирения* влечет за собой его ложность, так как для знания *Кантианского смирения* необходимо знание категориальной структуры мира. Во-вторых, если тезис о *Кантианском смирении* истинен, то аргумент в защиту его истинности несостоятелен, поскольку тогда мы должны были бы быть непоправимо невежественными в отношении одной из его посылок. Этим проблем недостаточным, чтобы доказать ложность тезиса о *Кантианском смирении*, но они показывают, что в некоторых важных отношениях он не только непривлекателен, но и непознаваем.

Примечания

¹ В своей статье я буду рассматривать понятия 'субстанция' и 'объект' как взаимозаменяемые. Заметим, однако, что Лэнгтон [1, р. 21] характеризует *Кантианское смирение* в терминах субстанций как носителей внутренних свойств. При интерпретации Канта это вызывает целый ряд вопросов, которые я оставляю в стороне [подробнее см: 1, р. 19–31]. Меня интересует *Кантианское смирение* как живая философская альтернатива. В связи с этим я рассматриваю аргументы, независимо от того, ориентируемся ли мы на 'субстанции' или на простые 'объекты'; впрочем, я еще вернусь к данному вопросу в разделе 2.

² Строго говоря, данные категории не исключают друг друга, поскольку свойство, вроде свойства *быть таким, что мой нос меньше моей руки*, может быть одновременно и реляционным, и внутренним. И хотя это вызывает дополнительные опасения по поводу состоятельности аргумента в защиту *Кантианского смирения*, в своей статье я их не затрагиваю.

³ Активное применение дистинкции внутренних и внешних свойств часто связывают с фигурой и исследованиями Дэвида Льюиса, одного из наиболее влиятельных метафизиков второй половины XX века. Наиболее простое и интуитивно понятное различие данных двух видов свойств можно найти в его работе *On the Plurality of Worlds*: «Мы различаем *внутренние* свойства, которыми вещи обладают в силу того, каковы они сами, от *внешних* свойств, которыми они обладают в силу их отношений или отсутствия отношений с другими вещами» [2, р. 61; ср. также: 3, р. 178]. Понятный и очень удобный практический тест для определения свойства ϕ как внутреннего предлагает техника *максимального метафизического сжатия* некоторого мира W , в котором в момент времени t существует объект x , инстанцирующий данное свойство ϕ . Результатом такого сжатия будет мир W^* , полученный путем удаления из некоторого исходного мира W всех отличных от x объектов, всех не занятых x пространственных местоположений, а также всех временных состояний, кроме момента времени t . Кросс-мировой анализ позволяет установить определение следующего вида: ϕ является внутренним свойством, если и только если ϕ одновременно инстанцируется x в мирах W и W^* , во всех остальных случаях ϕ является внешним [4, р. 211–213]. В соответствии с данным определением, например, свойства *быть красным* и *быть круглым* являются внутренними, а свойства *быть длинным* и *быть толстым* — внешними [дополнительно см.: 5–8; Прим. переводчика].

⁴ Лэнгтон не излагает аргумент подобным образом. Я реконструирую его здесь ради иллюстрации.

⁵ Каноническое представление этих и ряда других родственных диагностик можно найти в работе Льюиса [9].

⁶ В данном случае речь идет о мире, описываемом Витгенштейном в его *Logisch-Philosophische Abhandlung* [Прим. переводчика].

Библиографический список

1. Langton R. Kantian Humility: Our Ignorance of Things in Themselves. Oxford: Clarendon Press, 1998. 232 p.
2. Lewis D. On the Plurality of Worlds. Oxford: Basil Blackwell, 1986. 276 p.
3. Dunn J. M. Relevant Predication 2: Intrinsic Properties and Internal Relations // *Philosophical Studies*. 1990. Vol. 60, № 3. P. 177–206. DOI: 10.1007/BF00367469.
4. Vallentyne P. Intrinsic Properties Defined // *Philosophical Studies*. 1997. Vol. 88, № 2. P. 209–219. DOI: 10.1023/A:1004250930900.
5. Sider T. Intrinsic Properties // *Philosophical Studies*. 1996. Vol. 83, № 1. P. 1–27. DOI: 10.1007/BF00372433.
6. Denby D. A. The Distinction between Intrinsic and Extrinsic Properties // *Mind*. 2006. Vol. 115, № 457. P. 1–17. DOI: 10.1093/mind/fzl001.
7. Cowling S. Intrinsic Properties of Properties // *The Philosophical Quarterly*. 2017. Vol. 67, № 267. P. 241–262. DOI: 10.1093/pq/pqw052.
8. Harris R. A 'Mere Cambridge' Test to Demarcate Extrinsic from Intrinsic Properties // *Acta Analytica*. 2018. Vol. 33, № 2. P. 199–225. DOI: 10.1007/s12136-017-0336-1.
9. Lewis D. Extrinsic Properties // *Philosophical Studies*. 1983. Vol. 44, № 2. P. 197–200. DOI: 10.1007/BF00354100.

Сведения о переводчике

НЕХАЕВ Андрей Викторович, доктор философских наук, доцент (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор кафедры «Философия» Тюменского государственного университета, г. Тюмень; научный сотрудник Лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН, г. Томск.

SPIN-код: 5844-9381

AuthorID (РИНЦ): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Адрес для переписки: avnehaev@omgtu.ru

Источник перевода:

Cowling S. Kantian Humility and Ontological Categories // *Analysis*. 2010. Vol. 70, № 4. P. 659–665. DOI: 10.1093/analys/anq066.

Ссылка на полный текст эссе: <https://doi.org/10.1093/analys/anq066>

Для цитирования

Коулинг С. Кантианское смирение и онтологические категории = Cowling S. Kantian Humility and Ontological Categories / пер. с англ. А. В. Нехаева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 91–96. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-91-96.

Статья поступила в редакцию 24.07.2023 г.

© С. Коулинг

KANTIAN HUMILITY AND ONTOLOGICAL CATEGORIES

Kant has a distinction between things in themselves and phenomena. Things as we know them consist 'wholly of relations' therefore we have no insight into 'the inner' of things. Kant says that we have no knowledge of the intrinsic properties of things. There are irremediable constraints on what we can know, inevitable limits on what we can become acquainted with. This is a kind of *Epistemic Humility*. It entails *Categorical Humility*, according to which we are just as irremediably ignorant of the categorical properties of entities. Ignorance of the categorical structure of the world creates two problems for defenders of *Kantian Humility*. First, if we know that *Kantian Humility* to be true, it must be false. Second, if *Kantian Humility* is true, the argument for it cannot succeed.

Keywords: Kant, epistemic humility, categorical properties, intrinsic properties.

References

1. Langton R. *Kantian Humility: Our Ignorance of Things in Themselves*. Oxford: Clarendon Press, 1998. 232 p. (In Engl.).
2. Lewis D. *On the Plurality of Worlds*. Oxford: Basil Blackwell, 1986. 276 p. (In Engl.).
3. Dunn J. M. Relevant Predication 2: Intrinsic Properties and Internal Relations // *Philosophical Studies*. 1990. Vol. 60, no. 3. P. 177–206. DOI: 10.1007/BF00367469. (In Engl.).
4. Vallentyne P. Intrinsic Properties Defined // *Philosophical Studies*. 1997. Vol. 88, no. 2. P. 209–219. DOI: 10.1023/A:1004250930900. (In Engl.).
5. Sider T. Intrinsic Properties // *Philosophical Studies*. 1996. Vol. 83, no. 1. P. 1–27. DOI: 10.1007/BF00372433. (In Engl.).
6. Denby D. A. The Distinction Between Intrinsic and Extrinsic Properties // *Mind*. 2006. Vol. 115, no. 457. P. 1–17. DOI: 10.1093/mind/fzl001. (In Engl.).
7. Cowling S. Intrinsic Properties of Properties // *The Philosophical Quarterly*. 2017. Vol. 67, no. 267. P. 241–262. DOI: 10.1093/pq/pqw052. (In Engl.).
8. Harris R. A 'Mere Cambridge' Test to Demarcate Extrinsic from Intrinsic Properties // *Acta Analytica*. 2018. Vol. 33, no. 2. P. 199–225. DOI: 10.1007/s12136-017-0336-1. (In Engl.).
9. Lewis D. Extrinsic Properties // *Philosophical Studies*. 1983. Vol. 44, no. 2. P. 197–200. DOI: 10.1007/BF00354100. (In Engl.).

About the translator

NEKHAEV Andrei Viktorovich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of Philosophy Department, Tyumen State University, Tyumen; Research Associate of the Laboratory of Logical and Philosophical Studies, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, RAS, Tomsk.

SPIN-code: 5844-9381

AuthorID (RSCI): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Correspondence address: avnehaev@omgtu.ru

For citations

Cowling S. *Kantian Humility and Ontological Categories* / trans. from Engl. A. V. Nekhaev // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 91–96. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-91-96.

Received July 24, 2023.

© S. Cowling